

ФАЛАНГА

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ конторѣ редакціи, на Эриванской
площ. въ д. Харазова № 3 въ Тифлисѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 9 до
2 и отъ 5 до 7 часовъ вечера.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою на домъ:

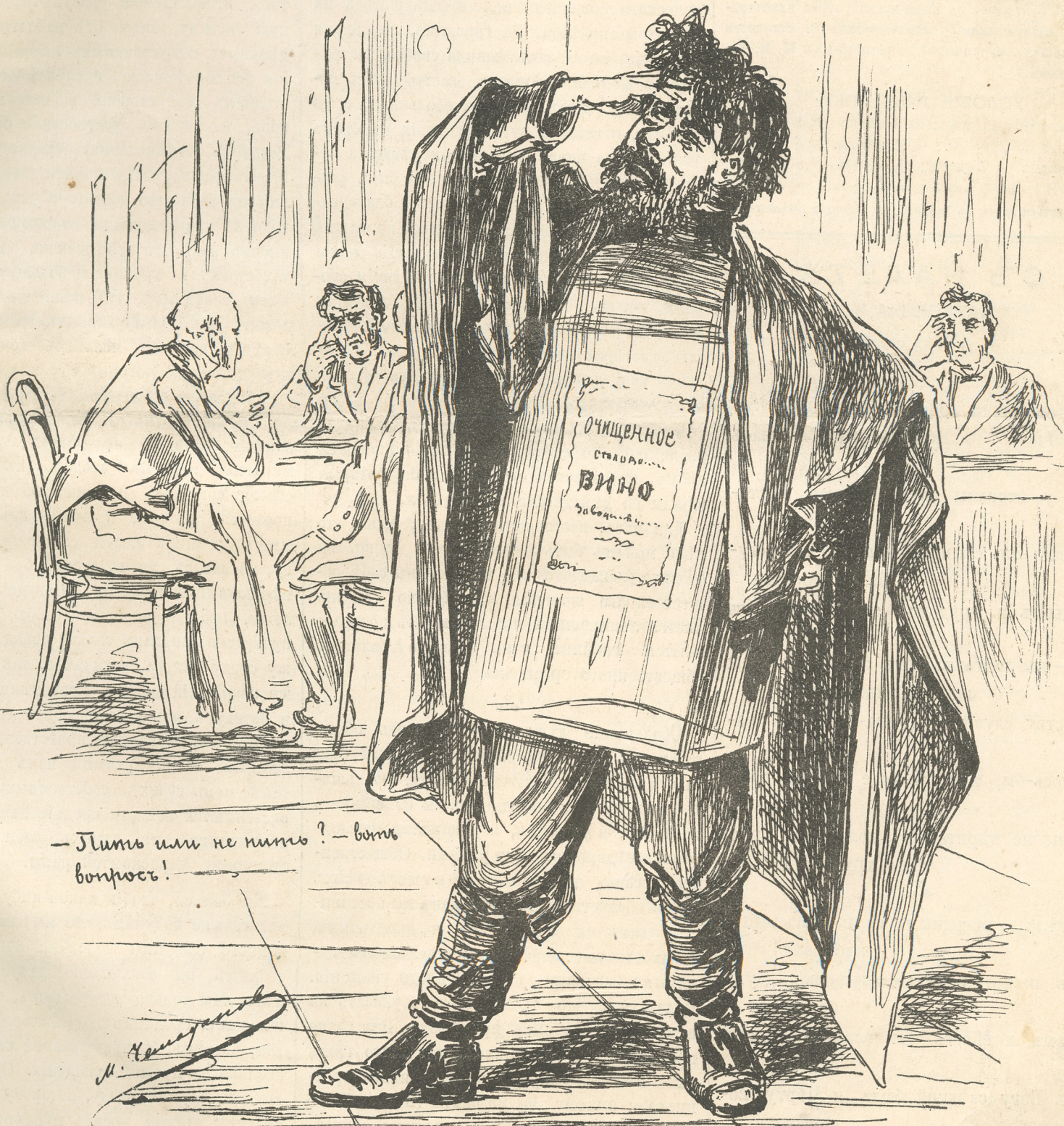
На 1 годъ	8 руб. — к.
„ 6 мѣсяцевъ	4 „ 50 „
„ 3 мѣсяца	2 „ 50 „

Съ разсылкою по Имперіи:

На 1 годъ	8 руб. 50 к.
„ 6 мѣсяцевъ	5 „ — „
„ 3 мѣсяца	2 „ 75 „

Отдѣльные номера „Фаланги“ — по
20 к. за экземпляръ — продаются: въ
Петербургѣ — въ книжномъ магазинѣ
газеты „Новости“, у Эмиля Гартге, у
С. Хлѣбникова, Н. Мамонтова; въ
Москвѣ: въ книжн. магазинѣ Н. И.
Мамонтова, Ф. Л. Жаке, въ централь-
ной конторѣ объявленій и у Пенчков-
ской; въ Саратовѣ — въ магазинѣ При-
волжской книжной торговли, въ Рос-
товѣ-на-Дону — у Прѣсова, въ Ка-
зани — въ книжномъ магазинѣ Дубро-
вина, въ Харьковѣ — у Куколевскаго,
въ Кіевѣ — у Югансона, въ Одессѣ —
у Бѣлаго и у Цигорскаго; въ Кута-
исѣ — у Николадзе и въ Тифлисѣ въ
газетномъ агентствѣ В. Шавердова.

35886

— Пить или не пить? — вотъ
вопросъ!

М. Чумаченко

„ Бить или не бить? —
вотъ вопросъ! „

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТ. ЖУРНАЛЪ

СЪ НАРИНАТУРАМИ

„ФАЛАНГА“

(ГОДЪ ТРЕТІЙ) ВЪ 1882 ГОДУ (ГОДЪ ТРЕТІЙ)

еженедеьно, по Воскресеньямъ, БУДЕТЬ ЖАЛИТЬ И „ПОДНИМАТЬ НА ЗУБОКЪ“ ВСЕ ОТЖИВШЕЕ И НЕДОБРОЕ точно такъ же, какъ это дѣлалось ею и въ настоящемъ году. Она по прежнему „Съ Налета“ будетъ гоняться „За Добычей“ „По волнамъ житейскаго моря“, лишь изрѣдка отдыхая „Подъ сѣнью газетныхъ листовъ“, отъ своихъ „Встрѣчь“, „Политическихкихъ прогулокъ“ и летанья „На крыльяхъ прегресса“...

Всѣ годовые подписчики „Фаланги“ 1882 года, получаютъ бесплатно, въ видѣ преміи, серію иллюстрацій къ сатирическимъ произведеніямъ Н. Некрасова (12 большихъ рисунковъ), исполненныхъ М. М. Чемодановымъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою на домъ: на 1 годъ. . . 8 р. — к.
„ „ „ 6 мѣсц. . . 4 „ 50 „
Съ разсылк. по Имперіи: на 1 годъ. . . 8 р. 50 к.
„ „ „ 6 мѣсц. 5 „ — „

Адресоваться прямо: въ Тифлисъ, въ редакцію „Фаланги“.

СЪ НАЛЕТА

КАТКОВЦАМЪ

„Чѣмъ старѣе, тѣмъ хуже“.
Грибоѣдовъ.

О, вы, носители „спасительныхъ идей“!
Вы ропщете на то, что нѣтъ у насъ людей,
Нѣтъ у отчины слугъ. Какое пусто-
словье!
Отъ васъ-же слышимъ мы, что тотъ сгу-
билъ здоровье
Усердьемъ и трудомъ; тотъ нахваталъ
крестовъ;
Тотъ—въ лентахъ; тотъ въ чинахъ,—и
каждый вновь готовъ
Отечеству служить, (была-бы лишь на-
града).
Казалось-бы, какихъ еще людей вамъ
надо?!
Иль вы не вѣрите въ „полезность“ ихъ
трудоу?...

Но, нѣтъ,—усердныхъ слугъ ужъ нынче
мало вамъ!
Вашъ новый идеаль—служенье двумъ
богамъ,
И вамъ хотѣлось бы владѣть такимъ
слугою,
Чтобъ Богу свѣчкой былъ и Чорту ко-
чергою;
Чтобъ разсуждать умѣль, не смѣя раз-
суждать;

Чтобъ лѣвой грабить могъ, а правой
помогать;
Чтобъ, заповѣди чтя, „послушествовалъ
ложно“.

Но невозможное, по счастью, невозможно,
И съ одного вола двухъ шеуръ вамъ
не снимать!
Ив. Тхоржевскій.

ПО ВОЛНАМЪ ЖИТЕЙСКАГО МОРЯ

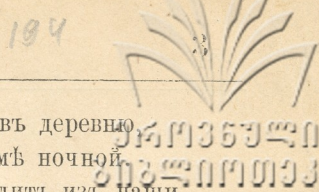
Въ настоящее время въ Тифлисъ, въ обще-
ственномъ говорѣ, слышится множество самы-
хъ разнообразныхъ толковъ по поводу тра-
гического происшествія, совершившагося на
прошлой недѣль. За городомъ, во время
преступки, на глазахъ жениха своего, застрѣ-
лилась молодая дѣвушка, застрѣлилась по-
тому, что этотъ женихъ, обольстивъ свою
невѣсту, отказался отъ вступленія въ бракъ
уже тогда, когда несчастная дѣвушка че-
резъ нѣсколько мѣсяцевъ должна была слѣ-
жаться матерью. Одни, въ порывѣ благород-
наго негодованія, посылають громы проклятій
на голову молодого человѣка; другіе нахо-
дятъ во всемъ этомъ дѣлѣ смягчающія сто-
роны, которыя несравненно болѣе блѣдными
красками обрисовываютъ некрасивый по-
ступокъ героя этой печальной драмы. Само
собою разумѣется, что въ подобныхъ дѣлахъ
невозможно произнести рѣшительнаго нрав-
ственного приговора, не зная всѣхъ под-
робностей столь трагически закончившейся
драмы, не взвѣсивъ всѣхъ условій, которыя
влияли на дѣйствующихъ лицъ ея.

Для насъ, постороннихъ зрителей, все это
дѣло можетъ быть интереснымъ лишь на
столько, насколько оно имѣетъ въ себѣ об-
щественнаго значенія, на сколько оно яв-
ляется лопнувшимъ нарывомъ, изъ котораго
льются гнойныя соки нашего больнаго
общественнаго организма.

Обольщеніе дѣвушки въ нашемъ обще-
ственномъ быту, къ сожалѣнію, нельзя счи-
тать явленіемъ исключительнымъ. Обольща-
ють ихъ чуть не ежедневно, и обѣщаніемъ
жениться, и деньгами, и подарками, и слад-
кими, завѣдомо ложными рѣчами. Обществен-
ное мнѣніе нисколько не караетъ всѣхъ
этихъ обольстителей, такъ какъ мы постоян-
но видимъ ихъ среди насъ и довольными,
и счастливыми, и пользующимися всѣми ви-
димыми знаками общественнаго уваженія.
Полагаемъ, что всякій можетъ указать на
нѣсколько подобныхъ примѣровъ. Безслѣдно
проходятъ всѣ эти грѣхи потому, что грязь
ихъ остается внутри общественнаго орга-
низма и никому не мозолитъ глазъ. Тоже
самое произошло бы и въ данномъ случаѣ,
если бы жертва обольщенія не оказалась
сильною, недоужинною женскою натурою и

если бы вся эта обыкновенная исторія не
закончилась столь бьющимъ въ глаза фина-
ломъ. Но вѣдь то, что въ дангомъ случаѣ
попалась сильная женская натура, вѣдь это—
явленіе совершенно случайное. Оно лишь
раскрыло ту рану, изъ которой полились
больныя соки, но сами эти соки, каждый
изъ насъ—какъ отдѣльная частичка больнаго
общественнаго организма—носятъ въ самомъ
себѣ. По этому-то, бросая заслуженный камень
въ отдѣльное лицо, которому выпала на долю
та или другая некрасивая роль въ нашихъ
жизненныхъ драмахъ, мы никогда не должны
забывать самихъ себя и всегда должны пом-
нить, что осколки отъ этого камня неми-
нуемо попадутъ въ каждого изъ насъ. Для
того, чтобы лучше уразумѣть эту печаль-
ную истину, надо отъ наблюдаемыхъ от-
дѣльныхъ общественныхъ явленій откинуть
все исключительное и случайное. Поэтому
оставимъ въ сторонѣ и извѣстовъ-подле-
цовъ, и героевъ честности и безкорыстія.
Возьмемъ обыкновеннаго средняго культур-
наго человѣка, умѣреннаго честнаго, умѣреннаго
умнаго, умѣреннаго добраго и умѣреннаго силь-
наго въ нравственномъ отношеніи. Такіе-то
именно люди во всѣ времена, разумѣется,
и составляли громадное большинство. За-
тѣмъ вспомнимъ, что наше время принад-
лежитъ къ числу такихъ временъ, когда
каждый честный человѣкъ долженъ быть
или героемъ, который, во имя убѣжденій
своихъ, готовъ пожертвовать не только всѣ-
ми благами жизни, но даже и самою этою
жизнью, или-же человѣкомъ, который не-
минуемо долженъ входить въ сдѣлку съ
своею совѣстью и успокоиваться на ком-
промиссѣ. И вотъ, каждый изъ насъ, изъ
этихъ среднихъ людей, составляющихъ тол-
пу, носить въ своемъ сердцѣ болѣе или ме-
нѣе подлый компромиссъ. Покуда мы, средніе
люди, вращаемся между собою, все идетъ
прекрасно, но какъ только попадетъ въ на-
шу среду натура посильнѣе, такъ сейчасъ
же назрѣвшій нарывъ непремѣнно лопнетъ,
и потекутъ изъ него язвенныя соки. И ка-
кими жалкими, какими нравственно разслаб-
ленными и ничтожными какъ въ чужихъ,
такъ и въ своихъ собственныхъ глазахъ,
оказываются всѣ эти средніе люди, которые
неожиданно для самихъ себя очутились
стоящими у раскрытой раны.

Мы боимся, чтобы какой-нибудь наивный
читатель не подумалъ, что мы каждого совре-
меннаго средняго человѣка считаемъ спо-
собнымъ на обольщеніе дѣвушки. Все
нѣтъ. Мы только утверждаемъ, что каждый
изъ насъ, среднихъ людей, совершаетъ дѣя-
нія, которыя, съ нравственной стороны, ни-
сколько не лучше обольщенія. Одинъ, ради
выгоды, служить дѣлу, которому не сочув-
ствуетъ; другой носить мундиръ, надъ ко-
торымъ самъ-же смѣется; третій крадетъ
деньги изъ общественнаго сундука, оправ-

дывая себя тѣмъ, что эти деньги, все равно, чортъ знаетъ, на что пойдутъ, и т. д., и т. д., и т. д..

И каждый свою возмущающуюся совѣсть успокаиваетъ компромиссомъ, и чувствуетъ себя болѣе или менѣе хорошо до тѣхъ поръ, покуда кака-нибудь сильная натура своимъ геройскимъ поступкомъ не докажетъ наглядно всю подлость этого компромисса, всю низость основаннаго на самообманѣ душевнаго спокойствія.

Между нашими идеалами и тѣмъ, что даетъ намъ дѣйствительность, лежитъ цѣлая пропасть. Только смѣльчаки и герои, съ опасностью сломать себѣ шею, рѣшаются переирогнуть на противоположный берегъ. А мы, средніе люди, мы толчемся у края этой пропасти безо всякаго дѣла. Мы бы охотно начали строить мостъ и были бы прекрасными работниками, но намъ говорить: стойте на мѣстѣ... вотъ вамъ вода, толките ее. Мы и толчемъ, потому что болѣе намъ дѣлать нечего. Но спрашивается: что можетъ дать намъ эта работа, кромѣ нравственнаго изнеможенія?.. А разъ ставъ нравственно ничтожными, мы неминуемо переносимъ это свое ничтожество, эту свою душевную разслабленность изъ сферы общественной дѣятельности и въ область нашихъ частныхъ отношеній—къ семьѣ, къ женщинѣ, къ дѣтямъ, другъ къ другу.

Какъ видите, господа, мы вотъ уже пришли къ причинѣ всѣхъ причинъ, какъ оказалось, эта новая дорога опять насъ привела къ тому самому Риму, о которомъ неоднократно приходится упоминать.

Еслибы подлости у насъ совершали только одни отъявленные подлецы и еслибы подлость была явленіемъ исключительнымъ, тогда-бы не стоило ей посвящать и много вниманія. Но когда подлость совершается средними людьми и является, такъ сказать, нашимъ обычнымъ препровожденіемъ времени, тогда необходимо, собравшись съ духомъ, приняться за очистку той помойной ямы, въ которой стоитъ каждый изъ насъ.

Вернемся къ факту. Въ лицѣ дѣвушки мы несомнѣнно имѣемъ дѣло съ сильной натурой. Ложно или справедливо, но она убѣждена была въ томъ, что опозорена, и вслѣдствіе этого лишила себя жизни. Это обстоятельство дѣлаетъ громкой всю исторію, которая безъ такого конца осталась бы также безвѣстна, какъ безвѣстны тысячи подобныхъ дѣлъ. Какъ видите, въ дѣло вмѣшался одинъ только недюжинный характеръ, и посмотрите-ка, сколько гадости вытекло изъ лопнувшего нарыва. Прежде всего вы увидите жалкую фигуру испуганнаго неожиданнымъ исходомъ, нравственно-разслабленнаго средняго человѣка, которому въ теченіи мѣсяцевъ, по видимому, голосъ совѣсти

шепталъ: „женись!“ и который, видя вокругъ себя такихъ-же среднихъ людей, такихъ-же обанкротившихся должниковъ своей совѣсти, какъ и онъ самъ, не сумѣлъ заставить себя подчиниться требованію нравственнаго долга и началъ разными доводами оправдывать себя передъ собственной своею совѣстью. И не нашлось ни одного человѣка, который серьезнымъ словомъ помогъ бы ему въ этой недостойной борьбѣ!.. Обойдется и такъ: мало ли такихъ примѣровъ бывало, думалъ онъ. Тоже думали и другіе средніе люди, плохо вообще вѣрящіе въ нравственное мужество и серьезное чувство. Съ другой стороны вы увидите интересную группу родныхъ умершей, которыхъ оказалось очень много. Всѣ эти „родственники“ вдругъ выплыли изъ тьмы на свѣтъ послѣ ея смерти. Люди все зажиточные, богатые. Въ порывѣ благороднаго негодованія, они проклинаютъ соблазнителя, называя его убійцей. Но, спрашивается, гдѣ была вся эта родня тогда, когда умершую и сестру ея бѣдность и злая судьба еще дѣвочками бросили, беззащитныхъ и безпріютныхъ, чуть ли не на улицу? Посторонніе люди приняли въ несчастныхъ нѣкоторое участіе, а не эти негодующіе „родственники“. Спрашивается, гдѣ была эта родня, когда сестра умершей, если не физически, то нравственно себя убила? гдѣ была эта родня, когда несчастная жертва обольщенія одиноко жила, зарабатывая себѣ упорнымъ, неблагодарнымъ трудомъ кусокъ хлѣба? Должно быть, мало вѣрила покойная въ эту родню свою и мало видѣла ласки отъ нея, потому что въ минуту постигшаго ее горя она искала пріюта и утѣшенія у совершенно постороннихъ людей. Еслибы вѣрила несчастная дѣвушка, что эта родня способна поддержать ее и ея ребенка, то, можетъ быть, разсудивши, она и отклонила бы, если не навсегда, то хоть временно мысль о самоубійствѣ. Но вся эта родня явилась толпой къ ней на помощь только послѣ смерти ея, только тогда, когда родственное участіе могло быть ограничено однимъ дешево стоящимъ „благороднымъ“ негодованіемъ! Это ли не грязь?..

Какъ видите, господа.. Одинъ только честный выстрѣлъ, и сколько грязи вытекло изъ всѣхъ угловъ!..

Но не въ величественной позѣ строгихъ судей должны стоять мы передъ этой ужасной картиной нашего времени, а со стыдливо опущеннымъ взоромъ виноватыхъ!..

ИЗЪ „ГЕРМАНИИ“ ГЕЙЗЕ

Шлелись мы ночью темнымъ лѣсомъ,
Вдругъ ось телѣги нашей—трахъ!
Мы стали. Скученъ какъ однако-жь
Привалъ негаданный въ потьмахъ.

Возница бросился въ деревню
И я—одинъ во тьмѣ ночной
А вокругъ меня гудитъ изъ тѣни,
Какъ вѣтеръ марта, чей-то вой.

То волки. Голосомъ завыли
„Проголодавшимся“ они.
Во мглѣ ихъ пламенные глазки
Сверкаютъ ярко, какъ огни.

Плуты провѣдали въ минуту
Про мой приходъ и потому
Въ согласный хоръ слилися разомъ
И пробудили ночи тьму.

Быль это въ честь моея персоны,
Тотчасъ я понялъ, мадригаль.
Я въ позу сталъ и рѣчь такую,
Съ приличнымъ жестомъ, имъ сказалъ:

„О, волки—братья! Очень счастливъ,
Что къ вамъ попалъ я нынче въ рядъ,
Гдѣ столько душъ высокихъ во емъ
Мнѣ о любви своей твердятъ.“

Нѣтъ словъ сказать, какія чувства
Во мнѣ бушуютъ въ этомъ мигъ.
И смерть не будетъ въ силахъ вырвать
Изъ сердца памяти о нихъ!

Благодарю васъ за довѣрье,
Какимъ почтили вы меня,
И въ годъ тяжелый испытанья
Свою любовь ко мнѣ храня.

Въ меня вы вѣрьте, волки—братья,
И не давайтесь въ обманъ,
Коль шельмы скажутъ вамъ, что будто
Я перешелъ въ собачій станъ,

Что я отступникъ и въ гофраты
Въ овчарню скоро попаду...
Но, не пристало мнѣ такую
И повторять-то ерунду.

Овечью шкуру, это правда,
Въ морозъ я какъ-то надѣвалъ,
Но не въ овечьемъ, вѣрьте, счастье
Быль и тогда мой идеаль.

Я не овца и не собака,
И не гофратъ, и не вахья:
Остался волкомъ я—и сердце,
И зубы волчьи у меня.

О, да, я волкъ и буду вѣчно
Я выть поволчьи безъ тревогъ,
Итакъ, смотрите-жь, не плошайте,
И да хранить васъ правый Богъ!“

Словами такими волчьи
Въ тотъ часъ растрогаль я сердца.
Ихъ Кольбъ въ газетѣ напечаталь,
Но исковеркалъ до конца.

А. Немеровскій.

Въ „не столь отдаленныхъ“.

— Чѣмъ не житье? Все передъ тобой разступается! Всякъ наперерывъ спѣшитъ дать тебѣ дорогу!

Consilium предъ операцией.

— Нѣтъ! 200 розогъ дать нельзя! У него порокъ сердца,—не вынесетъ.
— Ну, будемъ драть до тѣхъ поръ, пока вынесетъ.

ТАКЪ ВСЕГДА БЫВАЕТЪ

(Изъ А. Шамиссо)

Въ дни дѣтства за шалость,
За каждую малость
Меня часто сѣгли, и больно къ тому-же.
Когда-жъ (то событие!)
Сталъ въ школу ходить я,
Мое положеніе еще стало хуже.

**

Я въ храмѣ науки
Томился отъ скуки,
Унынье, и злобу, и лѣнь обнаруживаю;
А выросъ—на волѣ
Ждалъ лучшей я доли,
Мое-жъ положеніе еще стало хуже.

**

Настали заботы;
Подчасъ, безъ работы,
То голодь терпѣлъ я, то жался отъ стужи...
Но я оперился
И скоро женился,
Мое-жъ положеніе еще стало хуже.

**

Пришлось очень туго:
Бранится супруга,
Пищать ребятишки, всѣхъ бѣдъ по немногу!
Хоть были и средства...
Вернись-же, ты, дѣтство!
Теперь даже розга мила мнѣ, ей Богу!

Д. М.

НЕВИННЫЕ РАЗСКАЗЫ *)

II

Докладная записка коллежскаго секретаря
Викторіева.

Фирсъ Мироничъ Викторіевъ началъ свою карьеру по вѣдомству народнаго просвѣщенія. Окончивъ курсъ въ университетѣ, по филологическому факультету, онъ былъ назначенъ преподавателемъ русскаго языка въ младшихъ классахъ р...ской гимназій. Ежедневно до пѣны у рта злясь на дѣтей и давая имъ подзатыльники, Викторіевъ 15 лѣтъ просидѣлъ на своемъ учительскомъ стулѣ. Но наконецъ судьба ему улыбнулась, и онъ получилъ возможность проявить свои способности на болѣе широкой аренѣ дѣятельности. Вотъ какъ это случилось:

Когда генералъ Неустранимовъ былъ назначенъ въ Р... губернаторомъ, то просилъ директора гимназій, чтобы онъ рекомендовалъ ему учителя, который могъ-бы его, генерала, дѣтей наставить въ правилахъ русскаго словесности. Выборъ директора палъ на Викторіева, въ виду того, что директоръ отлично зналъ неопытнаго для подобнаго случая качества Фирса Миронича. Какой-нибудь много умающій о себѣ

учитель, корчащій профессора, да еще, кто знаетъ, можетъ быть, и скрытый нигилистъ, могъ бы окончательно уронить авторитетъ гимназій въ глазахъ генерала и подвергнуть директорскую голову всевозможнымъ неприяностямъ въ видѣ взмыливаній, нахлобучекъ, „скорпионовъ“ и т. п. Что же касается до Викторіева, то въ немъ директоръ былъ вполне увѣренъ, такъ какъ, во 1-хъ, Фирсъ Мироничъ былъ золь и строитивъ лишь съ дѣтьми бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, а съ питомцами, происходящими отъ родителей богатыхъ, но подлыхъ, онъ всегда былъ любезенъ и ласковъ; во 2-хъ, заподозривъ Викторіева въ скрытомъ нигилизмѣ не было никакой возможности, такъ какъ онъ несомнѣнно блисталъ всѣми доблестями свирѣпаго консерватора и неутомимаго патріота. Такъ, напримѣръ, Викторіевъ давалъ возможность выдержать экзаменъ только тѣмъ изъ своихъ учениковъ, которые передъ экзаменомъ брали у него нѣсколько уроковъ, платя за таковыя, смотря по тому, какую именно отмычку хотѣли получить, по 5, по 10, а иногда и по 15 рублей. Всѣ эти драгоценныя качества не могли, разумѣется, не породить въ начальствѣ полнѣйшаго довѣрія къ Викторіеву, и вотъ, благодаря этому-то довѣрію, Фирсъ Мироничъ и попалъ въ домъ генерала Неустранимова, въ качествѣ домашняго учителя.

Скромность и почтительность Викторіева въ скоромъ времени приобрѣли дорогую для него благосклонность суроваго генерала. Викторіева изрѣдка начали даже приглашать къ обѣденному генеральскому столу, разумѣется, въ тѣ дни, когда никто изъ постороннихъ у Неустранимовыхъ не обѣдалъ. За обѣдомъ Викторіевъ умѣренно ѣлъ, рѣшительно ничего не пилъ и проявлялъ замѣчательное искусство такъ сидѣть за столомъ, что казалось, какъ будто онъ за этимъ роскошнымъ столомъ вовсе и не сидитъ, а стоитъ съ салфеткой въ рукахъ за столомъ генерала.

Такъ прошло три года.

Неустранимовъ назначенъ былъ на новое мѣсто, и на такое мѣсто, гдѣ уже невозможно было ограничиться одними „пресѣченіями“, а обязательно слѣдовало заняться также и „предначертаніями“. Въ виду этого, для Неустранимова, получившаго образованіе въ гимнастической школѣ ловкихъ наездниковъ, оказалось необходимымъ обзавестись такимъ человекомъ, который, съ одной стороны, могъ бы безъ превратностей понимать законы и толково излагать на бумагѣ мысли, а съ другой былъ существомъ, въ коемъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на тѣнь нигилизма и которое для начальства рѣшительно на все готово. Выборъ Неустранимова палъ на Викторіева, и этотъ послѣдній сдѣлался его, Неустранимова, секретаремъ и самымъ приближеннымъ лицомъ. Съ этого времени

связь между ними дѣлалась все тѣснѣе и тѣснѣе. Два раза Викторіевъ спасалъ отъ неминуемой гибели Неустранимова, когда тотъ, со свойственнымъ его характеру упрямствомъ, намѣревался издать предначертанія, общему духу законовъ явно противныя и во всѣхъ отношеніяхъ опрометчивыя. Викторіевъ на колѣняхъ упрямца отказался отъ сихъ предначертаній, и Неустранимовъ въ скоромъ времени самъ отлично понялъ, что Викторіевъ спасъ его отъ гибели. Послѣ этого, положеніе Фирса Миронича стало окончательно прочнымъ, и онъ пришелъ къ сознанию, что настала уже минута, когда онъ, Викторіевъ, единымъ актомъ можетъ и отечество спасти и собственное свое благополучіе создать. Съ этою цѣлью Викторіевъ началъ писать проекты новыхъ мѣропріятій, къ возрожденію и утвержденію консервативно-религіозно-патріотическаго духа въ русскаго общества клонящихся. Первый изъ этихъ проектовъ Викторіевъ не посмѣлъ, въ виду малаго своего чина, назвать громкимъ именемъ проекта, а всепочтительнѣйше представилъ свои соображенія Неустранимову въ формѣ докладной записки. Вотъ эта записка:

Его превосходительству, генералу
и кавалеру Неустранимову,

Коллежскаго секретаря Викторіева
всепочтительнѣйшая

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

о необходимости, съ цѣлью возрожденія и утвержденія въ Русскаго общества консервативно-религіозно-патріотическаго духа, введенія обязательнаго, еженедѣльнаго по субботамъ, а также и наканунѣ всѣхъ двенадцатыхъ праздниковъ, тѣлеснаго въ русскихъ баняхъ чрезъ вѣники и мочалки очищенія.

Неукоснительно наблюдая за проявленіями русскаго общественной жизни и съ болью въ сердцѣ замѣчая въ оной упадокъ нравственности, религіознаго духа и патріотизма, основаннаго на горячей любви къ святымъ преданіямъ родины, я пришелъ къ убѣжденію, что сіе происходитъ отъ того, что общество наше, подъ влияніемъ вѣяній нигилизма и ложнаго увлеченія гнилою цивилизаціей западно-европейскихъ государствъ, забыло многіе святыя обычаи и нравственныя правила, коими крѣпка была древняя Русь. Однимъ изъ такихъ забытыхъ драгоценныхъ преданій является несомнѣнно и нравственный, исконно-русскій обычай—по субботамъ и наканунѣ большихъ праздниковъ ходить въ баню, дабы, очистивъ себя чрезъ вѣники и мочалки тѣлесно, быть готовымъ къ принятію праздничной духовной чистоты. Въ виду исключительнаго положенія, созданнаго испорченностью нашего общества, необходимымъ является введеніе обязательныхъ правилъ, которыя въ началѣ

*) См. „Фаланга“, № 36.

